

Различие начинается с авторской позиции. В повествовании Хрисоверга авторская личность не присутствует, индивидуальность автора растворяется, рассказ ведется от имени условного, объективизированного повествователя, высказывающего не собственное мнение, а объективное суждение, реальность которого мыслится им не меньшей (если даже не большей), чем реальность объекта повествования. Не то у Месарита. Здесь рассказчик наделен конкретными свойствами, более того — он активный участник событий и мир воспринимается таким образом сознательно-односторонне, глазами одной из замешанных в действии сторон.

Месарит сообщает, что он был в своем доме, когда до него дошла весть, будто Иоанн (Комнин) овладел престолом. В смятении он выглянул на улицу, а когда услышал о грабежах толпы, то уже не мог оставаться дома — бегом понесся он к Большому дворцу. Вблизи ворот Сфендоны на Ипподроме его остановили друзья и стали уговаривать не ходить: «Куда идешь! — восклицали они. — Не видишь разве убийц?» Он же отвечал, что спешит в Фаросский храм (напомню, что Месарит был скевофилаком Фаросской церкви), чтобы посмотреть, в порядке ли священная утварь.

Он пытался вступить в переговоры с самим вождем мятежа, но после бесплодных просьб кинулся к храму, возле которого застал людей, уже ломавших двери. Месарит обратился к ним с речью и (разумеется, с содействием богородицы) то уговорами, то угрозами склонил их на свою сторону. Более того, он сформировал из них отряд, готовый защищать церковь, и когда появились итальянцы и испанцы, жаждавшие пограбить церковное добро, повел против варваров «детей Ареса». Битва описана подробно, и самому автору отведена в ней почетная роль: схватив копье обеими руками, он колотил по головам врагов; он помчался короткой дорогой, чтобы опередить грабителей, уносивших храмовую утварь, и, внезапно напав на них, вынудил вернуть похищенное; он возбуждал к сопротивлению робких, которые прятались за его телом, как «Тевкры» за великим щитом, стоимостью в семь быков (аллюзия на Ил., VIII, 266).

При такой авторской позиции природа речи претерпевает метаморфозу: традиционная панегирическая задача, восхваление императора, уступает место индивидуалистическому самовосхвалению. Это не значит, разумеется, что панегирический элемент исчезает вовсе: своя доля похвал достается и «светильнику»-Алексею III (Мятеж, стр. 41. 8—9), и украшенной разумом и иными добродетелями императрице Ефросинье (стр. 41. 26—29), и Алексею Палеологу (стр. 42. 17—18). Но рассказчик становится личностью и, освобождаясь от сковывающих рамок традиционной безличности, гиперболизирует собственное значение.

Месарит рассказывает не только о том, что видел, но и о том, что слышал от других (стр. 25. 19—20); иногда он даже ссылается на источник своей информации (стр. 26. 21—22). При этом он знает, что не все им услышанное соответствует истине, но не решается критически отвергнуть подозрительное — он только просит прощения у своих читателей-судей: если он отклонится от правды, в этом вина его информаторов (стр. 25. 20—24). Итак, активный участник событий, Месарит не боится признать, что он не владеет истиной в последней инстанции, что в его рассказ может вкрасться подозрительное и противоречащее действительности: позиция, неожиданная для византийского риторика.

И субъективная задача Месарита — не наставительность, не приближение к Идее. Она сведена с небесных высот на землю с ее мелочными и бытовыми интересами. Оказывается, просто многие из знакомых обращались к нему прямо на улицах и площадях, расспрашивая о мятеже Иоанна, а горло его от напряжения того бурного дня утомилось и дыхание было стесненным, и вот он решил предать все виденное им чернилу и бумаге (стр. 19. 24—20. 10). Как неторжественно, как буднично звучит это в сравнении с величием Хрисоверга! И как проступает в этой скромной